

ных мемуаров» и вследствие этого также запрещается. Какой-то книгопродавец из Франкфурта на Майне указал, что основание для запрещения неверно. Тогда запрет с книги Сальдерна был снят, чем и закончилась первая часть дела. Год спустя, 6 ноября 1801 года, «в 11 часов пополудни», как сказано в пометке на акте, русский консул в Лейпциге Иоганн Шварц лично подал «всеподданнейшую промеморию» следующего содержания: «Нижеподписавшийся здешний российский консул имеет честь указать достопочтенной книжной комиссии, что как ему стало известно, вышла из печати третья часть „Секретных мемуаров о России“, равно как и немецкий перевод ее под заглавием „Geheime Nachrichten über Russland“ и была послана здешнему книгопродавцу Лео для рассмотрения. Так как обе первые части этой книги были по высочайшему повелению запрещены и конфискованы, а мне известно, что вновь появившаяся третья часть содержит такие же поношения и измышления, то я выражаю надежду, что достопочтенная книжная комиссия примет необходимые меры, дабы воспрепятствовать распространению этой третьей части».⁷

Книжный инспектор снова был отправлен на поиски. Из дальнейших записей выясняется следующее. Книгопродавец Фридрих Август Лео получил из книготорговли Декера в Базеле три тюка, в которых находилось 37 меньших пакетов для иностранных книготорговцев. Лео передал эти пакеты соответствующим комиссионерам в Лейпциге. На прямой запрос Лео ответил, что «о содержимом пакетов и о том, что в них находится упомянутая 3-я часть мемуаров, он узнал только после их распределения от книгопродавца г-на Грэфа».⁸ Далее Лео передал список книгопродавцев, которым были адресованы пакеты.⁹

Этот список очень показателен как документ, характеризующий значение лейпцигской комиссионной книготорговли в конце XVIII века. Здесь перечислены почти все крупнейшие немецкие города от Франкфурта на Майне на западе до Бреславля, Кенигсберга, Мемеля — на востоке, Гамбурга, Бремена и Любека — на севере. Кроме того, здесь указываются Копенгаген, Прага, Вена и Будапешт. Всего было конфисковано еще 285 французских и 234 немецких экземпляра. Если вспомнить, что это не составляло и половины всех экземпляров, доставленных в Лейпциг, и принять во внимание, что в XVIII веке тиражи вообще были низкими, то это еще раз подчеркивает значение Лейпцига как центра европейской книжной торговли.

⁷ Акты, л. 26.

⁸ Там же, л. 26 об.

⁹ Там же, л. 28.